

Книга первая
Под знаком Ориона

Созвездие Орион выпала честь считаться прекраснейшим на небесном своде. Оно представляет собой гигантский четырехугольник, широко распростертый от севера к югу и более узкий от востока к западу. Самыми примечательными в нем являются шесть звезд. Одна из них — альфа Ориона, или Бетельгейзе, имя которой берет начало от арабского «Ибт-аль-джауза», что означает «Подмышка великана». Это красная и очень яркая звезда. Бета Ориона получила название Ригель; это бело-голубая звезда, как и гамма Ориона, также известная под именем Беллатрикс, или Воительница. Однако жемчужины сего небесного собора хранятся в кушаке исполина — это двойные звезды, а также в его ножнах, где покоится таинственная туманность, или галактика, обнаруженная Гюйгенсом¹, которой никогда не устанет любоваться глаз человека. Неукротимая фантазия древних цивилизаций усмотрела в астеризме этого созвездия легендарную фигуру мифологиче-

¹ *Зейлихем Христиан ван Гюйгенс* (1629–1695) — голландский механик, физик, математик, астроном и изобретатель. Член Французской академии наук с момента ее основания в 1666 году и ее первый президент. В области астрономии: открыл кольца Сатурна и его спутник Титан, изучил и дал систематическое описание Большой туманности Ориона, открытой ранее, в 1610 году, французским астрономом, антикваром, энциклопедистом Никола-Клодом Фабри де Перейском (1580–1637).

ского персонажа: охотника, преследующего Плеяд. Глядя на звезды в осеннем небе ночной Барселоны, мы можем предаваться мечтаниям, воображая, что, спасаясь от Скорпиона, Орион нагоняет Плеяд, но на него нападает Телец. Как не поддасться очарованию этой сказки? Однако на самом деле все это поэтические изыски: созвездие, бесспорно, состоит из гигантских звезд, и существует вероятность, что они не имеют друг к другу никакого отношения. Выходит, наша прекрасная история может оказаться просто-напросто оптическим обманом. И все же подчас воображение служит для того, чтобы сделать действительность более удобоваримой.

«Трактат об основах наблюдения за небесными телами»
Жасинт Далмасес. Барселона, 1778

1

Он улыбнулся. Целых два года он не улыбался. Его честь улыбнулся, прикрыв ладонью левый глаз, не отрываясь правым от телескопа. Казалось, он повстречал давнего друга: впервые за всю дождливую осень он приступал к наблюдению за звездным небом, в тот вечер чудно безоблачным. Он уже год не видел туманности Ориона и соскучился по его волшебному ядру, состоящему из четырех звезд, которые, по словам месье Галлея¹, с головокружительной скоростью удаляются друг от друга, словно в порыве ненависти. Словно на небе есть ненависть. Всякий раз, когда дон Рафель Массо-и-Пужадес, председатель Королевского верховного суда, или же Аудиенсии², провинции Барселона, на-

¹ *Эдмунд Галлей* (1656–1742) — английский астроном и геофизик. Член Лондонского королевского общества. Профессор математики Оксфордского университета, с 1720 года — директор Гринвичской обсерватории. Составил первый телескопический каталог звезд Южного неба; открыл первую периодическую комету (1682, комета Галлея) и предсказал ее возвращение в 1758 году; открыл собственное движение звезд.

² *Королевский верховный суд (Аудиенсия)* — суд высшей апелляционной инстанции, существовавший в XVIII веке во всех провинциях испанской империи. Аудиенсии подчинялись генерал-капитану провинции, который выступал также в роли губернатора территории, попадающей под юрисдикцию Аудиенсии. Во главе Аудиенсии стоял так называемый гражданский регент, исполнявший функции президента Аудиенсии (в тексте романа: председатель Королевского верховного суда, или же верховный судья). В каждой Аудиенсии

блюдал за движением небесных тел, его охватывало чувство собственного бессилия, ничтожества и боязни неизвестного, ведь звезды и тончайшие облака, до которых при взгляде в окуляр, казалось, рукой подать, были от него невозможно далеки, неприступны, безмолвны, недостижимы и загадочны. Внезапно на дон Рафеля нахлынуло воспоминание: «Эльвира, бедняжка моя», и улыбка исчезла с его лица. Он тряхнул головой, чтобы отогнать это воспоминание, и темноту сада огласил вздох. Председатель Верховного суда выпрямился и достал из рукава кружевной платочек. Он осторожно высморкался. Созерцание звездного неба в ночном саду неизбежно заканчивалось для судьи насморком, несмотря на то что на нем были надеты парик, треуголка и плащ. При взгляде невооруженным глазом созвездие Орион показалось ему как никогда родным. Дон Рафель убрал платочек в рукав, нагнулся, чтобы снова поглядеть на обожаемую туманность, и подавил желание выругаться, увидев, что она уже исчезла из поля зрения телескопа. Высунув язык, он добрую минуту провозился, чтобы вернуть беглянку. Донья Марианна предупреждала, что он простудится, и, как всегда, оказалась права. Однако он не пожелал упустить удобный случай, ведь в тот вечер, впервые по прошествии тьмы дней, ознаменованных облачностью — заклятым врагом астрономов, небо Барселоны открывалось ему во всей красе, бесстыдно сияя полным набором доступных взору осенних звезд. Собственно говоря, астрономом дон Рафель не являлся. В молодости, когда замысловатый, странный и таинственный мир законов начал овладевать его воображением, он любознательно присматривался ко всему, что его окру-

существовала Уголовная палата, являвшаяся судом последней инстанции по уголовным делам, ответственная за вынесение окончательного приговора и приведение его в исполнение.

жало, и завел знакомство с известными учеными, как, например, дон Жасинт Далмасес, который и приобщил его к астрономии. Он провел уйму бессонных ночей, тщетно пытаясь разгадать двойственную природу звезд в созвездии Лира — до чего несподручно наблюдать за созвездием Лира, почти всегда в зените! — или суматошной и радостной погони, которую Ганимед, Ио, Европа и Каллисто — словно они в догонялки играют — затеяли вокруг своей вечной няньки — ленивого исполина Юпитера с таинственным глазом в животе, как у космического Полифема. В юности дон Рафель с интересом следил за публикациями месье Галлея и в течение некоторого времени рассказывал знакомым, что намеревается стать астрономом. Но действительность берет свое: будучи уже без пяти минут адвокатом, он заключил, что нет резона бездумно пускаться по ветру многие годы, проведенные в изучении кодексов, канонов, законов и приговоров. Дон Рафель получил диплом юриста, женился и утратил привычку посвящать бессонные ночи безмолвной тайне звезд. Время от времени он отдавал приказание вынести телескоп в сад и предавался мечтаниям, потому что по природе своей не находил ни в чем удовлетворения. Он завидовал чужому положению в обществе и богатству, красоте чужих жен, мудрости немногих избранных, благоразумию, встречавшемуся крайне редко, и счастьем, которым не обладал практически никто. По этой причине жизнь нашего героя состояла из неутолимой жажды и тревоги неумного сердца, которые заставляли его мечтать, хоть он и не родился поэтом, влюбляться, хоть он и не годился в донжуаны, беспрестанно карабкаться по служебной лестнице по головам всех прочих и делать вид, что счастье заключается именно в этом. Однако все это было не чем иным, как отчаянной попыткой вслепую ухватить столь желаемое счастье. Самое ужас-

ное, что достичь его дону Рафелю так и не удавалось. И в минуты искренних раздумий он понимал, что неизменно остается от всего на полдороге. Подобно Юпитеру. Почтенный судья во многом ощущал свое сходство с этим небесным гигантом, который был слишком велик, слишком полон амбиций, слишком объемён для твердотельной планеты, но и слишком мал, слишком бессилён для того, чтобы стать самодостаточной звездой, полной огня, энергии и света. И так же, как Юпитер, он не мог обойтись без спутников.

— Что ж такое, опять она от меня ускользнула, — пожаловался дон Рафель бесконечным просторам Вселенной. В это мгновение он услышал шаги и увидел неясные отблески. — Погаси лампу, Ипполит! — упрекнул он приближающийся источник мигающего света.

— Госпожа велела, чтобы я вам сказал, что пора уже, — раздался голос невидимого камердинера.

— Да иду, иду я, что ты!

Он снова склонился над телескопом. И в раздражении убедился, что туманности и след простыл.

— Госпожа велела, — продолжал настаивать из тьмы Ипполит, — чтобы я вам сказал, что уже пробило восемь. И что перед концертом вам надобно парик переодеть.

— Оставь меня в покое, — сухо проворчал судья.

И не сдвинулся с места до тех пор, пока не почувствовал, что раздражение, вызванное вмешательством слуги, отпустило его. Однако внутреннее спокойствие, необходимое для наблюдения за движением небесных тел, испарилось. Все еще несколько разгневанный, он направился к дому, в потемках, спотыкаясь о каменные скамейки и о собственные мысли, потому что на несколько мгновений, как мимолетное видение, перед ним вновь предстал образ Эльвиры.

Во дворце маркиза де Досриуса, на улице Ампле¹, собирались сливки барселонского общества эпохи Бурбонов²: военные, блюстители закона, инженеры, государственные служащие, преуспевающие коммерсанты, местные и приехавшие из других краев политики, попадались и французы, потерявшие последнюю рубашку в буране революции и нашедшие убежище в соседнем государстве, недоверчивом и перепуганном. Все эти господа, будучи людьми высочайшего бескультурья, собирались там, чтобы присутствовать при исполнении музыкальных произведений (чтобы слушать музыку, им пришлось бы сделать над собой вовсе немыслимое усилие) или зевать под звуки александрийских стихов («И сердце с той поры одною мезтью дышит...»³) в исполнении приглашенного стихотворца.

Дон Рафель любил, когда его приглашали к маркизу де Досриусу, поскольку маркиз, будучи внимательным блюстителем добрых традиций, по-прежнему хранил обычаи, согласно которым дворецкий объявляет имена гостей. Дону Рафелю нравилось слышать: «Его честь дон Рафель Массо-и-Пужадес, председатель Королевской аудиенсии провинции Барселона, с супругой». Дон Рафель бросил дежурный взгляд на благоверную, донья Марианна в свою очередь посмотрела на него, и вместе они вошли в огромную гостиную, с которой не могла сравниться в роскоши ни одна другая

¹ *Улица Ампле* — Каррер-Ампле, или Широкая улица (*кат.*); расположена в Готическом квартале Барселоны.

² *Бурбоны* — королевская династия, занимавшая престол в Испании в 1700–1808, 1814–1868, 1874–1931 годах. Начало испанской ветви Бурбонов в 1700 году положил внук французского короля Людовика XIV Филипп V Испанский.

³ «*И сердце с той поры одною мезтью дышит...*» — строка из трагедии Жуана (в испанском написании Хуана) Рамиса-и-Рамиса (1746–1819) «Лукреция», написанной на Менорке в 1769 году на каталанском языке в неоклассическом стиле.

гостиная на улице Ампле, предмет зависти барселонской знати, большой зал дворца маркиза де Досриуса. Кружкам гостей, убивавшим время тем, что под сурдинку перебивали косточки всем подряд, прибытие четы Массо дало новую тему для разговоров. («Видали? Дон Рафель с каждым днем все больше похож на просительный знак»; «как он усох и скрючился»; «а говорят, в делах преуспевает»; «это еще бабушка надвое сказала»; «к чему это вы?»; «ах, я бы вам такого могла порассказать...») А супруги Массо, не обращая на них ни малейшего внимания и расточая улыбки направо и налево, направлялись напрямик к центральному камину, где дон Рамон Ренау, престарелый маркиз де Досриус, в новеньком, по последней венской моде серебряном парике, прикрыв пледом ни к чему не пригодные ноги, привечал гостей, сидя в хитроумном кресле на колесах, которое позволяло ему передвигаться, не прилагая усилий. За спиной старика-маркиза ждал приказаний бесстрастный, непроницаемый Матеу. Маркиз, пользовавшийся славой самого бесцеремонного аристократа в Барселоне, при виде новоприбывших побряхтел и ткнул его честь в живот концом трости, с которой никогда не расставался:

— Ну как оно там, дон Рафель?

— Превосходно, сеньор маркиз.

Супруги склонились в глубоком поклоне.

— Ступайте обо мне сплетничать, — указал он в сторону прочих своих гостей, поговорив с четой Массо несколько секунд, — мне пора с другими здороваться.

Повинуясь, супруги направились к одному из кружков, чтобы присоединиться к общему разговору. Судя по резкой перемене темы, судачили там как раз о них. «Добрый вечер, барон, баронесса, ваша честь, дон Рафель», улыбки, приветствия, целование рук, вздохи, «как поживаете?»; «Вы не знаете, а удостоит ли нас сво-

им присутствием генерал-капитан?» — «Насколько мне известно, да, господин барон»; и этот мимолетный взгляд служителя Фемиды на роскошную грудь баронессы доньи Гайетаны, бывает же такое... С тех пор как вышли из моды огромные кринолины, дону Рафелю стало гораздо проще подходить к дамам поближе, чтобы заглянуть в декольте, — просто захватывающее дух приключение. У доня Рафеля вспотели ладони, как случилось в последнее время всякий раз, когда он оказывался в обществе доньи Гайетаны, «чтобы забыть твое личико, Эльвира, бедняжечка».

— Я слышал, — говорил барон де Черта, не имевший представления о прелюбодейных мыслях его чести, — что у этой женщины изумительный голос.

И его глаза беспокойно забегали, как будто он искал чьей-то поддержки.

— Нужно самим поглядеть и решить, — высказалась в защиту объективного суждения донья Гайетана из глубин своего музыкального невежества.

— Или, скорее, нужно послушать, — с поклоном проговорил дон Рафель, скрывая дрожь в голосе.

Все вокруг залились грациозным смехом и несколько оттаяли.

Дворецкий продолжал объявлять имена, гости снова шептались; известный ученый дон Жасинт Далмасес, который постоянно вращался в кругах, ему не подобающих, склонился в скромном поклоне; а поцелуй руки красивой дамы опять продлился на мгновение дольше необходимого, и судья снова вздохнул, поскольку бюст любой из женщин казался ему гораздо более многообещающим, чем у доньи Марианны. «Ах, Эльвира! Как так случилось?..» И раздумья доня Рафеля разбились на тысячу осколков, поскольку доктор Перре Малья, признанный всезнайка, присоединился к их кружку и сообщил, что ему доподлинно известно, что

де Флор выступала перед самим Керубини¹ и тот был в восторге от ее таланта.

— Я же вам говорил, — торжествовал де Черта, — великая певица.

— Сгораю от желания ее услышать, — соврал дон Рафель, который в тот вечер, раз уж ему категорически не дали поглядеть на звезды, был скорее равнодушен ко всему, кроме персей, особенно принадлежащих молодой баронессе.

— Кстати, — нетерпеливо топнула каблуком какая-то важная персона, — когда же начнется концерт?

— Когда старикашке Ренау заблагорассудится, — ответил де Черта, и дамы благосклонно улыбнулись.

А дон Рафель подумал: «Какой же ты болван, Черта. Ты ее недостойн». Все помыслы его чести, хоть он и слышал, о чем говорят окружающие, были о белоснежных зубах и влажных, улыбчивых губах доньи Гайетаны, чьим очарованием дон Рафель проникался с каждым днем все больше. В минуты искренности перед самим собой судья злился, что эта женщина с такой легкостью заставляет других мужчин улыбаться ей на глазах у косоглазого тупицы-мужа. «Гайетана, любовь моя, ради тебя я готов на безумства».

— Не сомневаюсь, — служитель правосудия украдкой обернулся, прикрывая нос кружевным платочком, — что дедуля Досриус хочет раздражить нас, прежде чем бросить нам... лакомый кусочек.

— Ну уж нас-то ему раздражить не удастся, — заявил барон.

Все они отошли к стене, поближе к окнам, выходившим на улицу Ампле. Там, под портретом второго в ро-

¹ *Луджи Керубини* (1760–1842) — итальянский композитор, педагог и музыкальный теоретик, главный представитель жанра «опера страха и спасения», большую часть своей жизни проведший во Франции (с 1788 г. до кончины).

ду маркиза Досриуса, изображенного под ручку с пышной и, по всей видимости, необъятной сеньорой, единолично символизирующей всю бурбонскую монархию, кавалеры оставили дам, которые устроились на стульях и стали беседовать о платьях и прическах, и вернулись в центр гостиной, куда их привлекло замечание доктора Далмасеса, самого образованного и неблагонадежного человека во всей компании: никаким дворянским титулом он похвастаться не мог, но постоянно вращался в аристократических кругах, ходили слухи, что он симпатизирует французским революционерам или каким-то там энциклопедистам, а «кстати, говорят, что он еще и, эт-самое, масон, уж я-то точно знаю». Итак, доктор Далмасес, размышляя вслух, заявил, что нет инструмента прекраснее человеческого голоса.

— Данного нам Богом, — уточнил дон Рафель.

— Без всякого сомнения, дон Рафель, — согласился доктор Далмасес, который не особенно верил в Бога, но диспут затевать не хотел. — Вы были на концерте в День Всех Святых?¹

А вот и нет, оказалось, что никто на этот концерт не ходил, потому что в театр слушать музыку ходит лишь тот, кто ею живет и дышит; а у маркиза де Досриуса, или маркиза де Картели, или даже в самом дворце музыка звучала для тех, кого занимало совсем другое. Доктор Далмасес понял, что ему придется рассказывать о концерте, состоявшемся в День Всех Святых, донельзя равнодушной публике:

— Две пьесы месье Керубини и струнный квартет, понимаете, а потом пьеса некоего ван Бетховена, кото-

¹ *День Всех Святых* — один из десяти главных праздников, имеющий ранг великого торжества. В этот день церковь вспоминает всех святых, прославивших Бога, — не только тех, чьи имена числятся в церковном календаре, но и тех, кто известен одному Богу. Отмечается 1 ноября.

рый, видимо, учился у Гайдна¹, потому что очень мне его напомнил. Кстати, вам знакомо это имя?

— Чье? — рассеянно спросил упустивший нить разговора дон Рафель.

— Этого голландца, ван Бетховена?

— Нет. Первый раз слышу.

Хирург доктор Малья, проводив супругу на отведенное ей место, присоединился к ним с любезной улыбкой. Улыбка эта стала еще шире, когда он поклонился всеми ненавидимому председателю Аудиенсии. Поскольку, без сомнения, во всем этом кружке никто другой не внушал бóльшую зависть, ненависть и страх: дон Рафель был невероятно влиятелен, несговорчив и продажен, а на этих трех качествах обычно и строилось резюме власть имущих в те благословенные годы. Продолжая улыбаться, доктор Малья беззвучно поприветствовал остальных, после чего ему пришлось признать, что он, честно говоря, слыхом не слыхивал ни о каком ван Бетховене. Не слышал о нем никто, и доктор Далмасес, который гораздо лучше их всех разобрался в музыке, объяснил в заключение, что этот голландец во многом хорош, но в нем чувствуется раздражение гениям, вроде Керубини или Сальери², и все

¹ Людвиг ван Бетховен (1770–1827) действительно некоторое время брал уроки у Франца Йозефа Гайдна (1732–1809) — австрийского композитора, представителя Венской классической школы, одного из основоположников таких музыкальных жанров, как симфония и струнный квартет. Встреча музыкантов состоялась в Вене в 1792 году.

² Бетховен высоко ценил творчество Керубини, а Антонио Сальери (1750–1825) — одного из самых известных и признанных композиторов своего времени, автора более чем 40 опер, многочисленных инструментальных и вокально-инструментальных сочинений, на протяжении 36 лет занимавшего в Вене пост придворного капельмейстера, — выбрал себе после Гайдна в учителя. У Сальери Бетховен обучался в период с 1792 по 1795 год. Своему наставнику посвятил три скрипичные сонаты и ор. 12, опубликованные в Вене в 1799 году.

Оглавление

Книга первая	
ПОД ЗНАКОМ ОРИОНА	9
Книга вторая	
СМЯТЕНИЕ ПЛЕЯД	283
Книга третья	
БЛУЖДАЮЩИЙ ПЛУТОН	327